

И в XI, и в XII, и в XIII вв., а частично и значительно позднее практика сохраняла такие формы дипломатических переговоров русских князей, которые были выработаны на Руси еще до введения письменности. Важнейшее в этих формах состояло в том, что все переговоры велись устно, через устные передачи послов. Русские князья исключительно редко пересылались между собой грамотами. Их вполне заменяли «речи», точно передававшиеся послами и более или менее точно заносившиеся в летопись.

Повесть попа Василия об ослеплении Василька Теробовльского, включенная в Повесть временных лет под 1097 г., живо и конкретно передает самую процедуру посылки посла и выполнения им дипломатического поручения; поп Василий был непосредственным участником переговоров 1097 г., и свидетельство его представляет поэтому особенный интерес.

В то время, когда ослепленного Василька Теробовльского держали под стражею во Владимире Волынском, там находился и Василий. «В одну ночь, — говорит Василий, — прислал за мной князь Давыд. Я пришел к нему и застал около него сидящую дружинку. Князь посадил меня и начал говорить: „Се молвил Василко си ночи к Уланови и Колчи, рекл тако: се слышу, оже идет Володимер и Святополк на Давыда: да же бы мене Давыд послушал, да бых послал мужь свой к Володимеру воротиться, веде бо ся с ним что молвив; да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: оже хоцещи послати мужь свой, и воротится Володимер, то вдам ти который ти город люб, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль“. Я пошел к Васильку, — продолжает Василий, — и поведал ему все речи Давыдовы. Он же сказал: „Сего есм не молвил; но надеюся на бог, пошлю, да быша не прольяли мене ради крови; но сему имя (в Радзивилловской и Ипатьевской — ми) дивно, даеть ми город свой, а мой Теробовль, моя власть, и ныне и пождавше“.

Так оно и случилось, — добавляет Василий, — так как вскоре получил он свою волость. Затем, — говорит Василий, — обратился Василько ко мне со словами: „Иди к Давыдови и рци ему: пришли ми Кульмея, то пошлю к Володимеру“. И не послушал его Давыд, и послал меня вновь, сказав: „Нету Кулмея“. И сказал мне Василько: „Поседи мало“, повелел слуге своему итти вон, и сел со мною с глаза на глаз, и начал говорить мне. . .» (Лаврентьевская лет., 1097).

И Давыд, и Василько призывают Василия, усаживают его как равного, беседуют с ним и отдельно сообщают ему те «речи», которые Василий должен был передать по назначению. Замечательно, что поручение сообщается послу в форме прямой речи

от лица посылающего: «Иди к Давыдови и рци ему: „пришти ми Кульмея“» (слова Василько Василю).

Из этого рассказа попа Василия выясняется, что посол послался не с грамотами, а с «речьми». Это выражение «послать с речьми» встречается в летописи неоднократно; оно есть и в Ипатьевской летописи, и в Лаврентьевской, и в Новгородской I. Так, например, под 1140 г. в Ипатьевской летописи рассказывается: «. . ли посла Вячьслав и Изяслав Мьстиславичь послы свои к Всеволоду, с *речьми*, рядитися. . .». Под 1151 г. в той же Ипатьевской летописи говорится, что Изяслав Мстиславич послал «с *речьми*» к венграм, причем следует отметить, что одни из этих «речей» предназначены для венгерского короля, а другие, отдельно, для его подданных.

Когда переговаривающиеся стороны взаимно посылают друг к другу послов, летопись применяет выражение «сослаться *речьми*»: «. . ли ста Святополк в граде, а ляхове на Бугу, и сослася *речьми* Святополк с ляхы» (Лаврентьевская лет., 1097).

Из летописи видно, что послу давался общий наказ о том, как должен себя вести посол в том или ином случае, и отдельно поручались «речи», которые посол не мог изменять по-своему и передавал, соблюдая грамматические формы первого лица, от лица пославшего. В общий наказ послу входило, например, поручение передать поклон, спросить о здоровье и т. д.

Вот как, например, отряжал своего посла к Юрию Долгорукому Вячеслав Киевский. Вячеслав передает Юрию весь ход своих отношений с Изяславом, а потому просит его и его брата Ростислава присутствовать при самом «отряжении» своего посла как живых поручителей его правдивости: «Вячеслав же рече мужеви своему: „Поеди к брату Гюргеви, брата от мене поцелуй; а вы брата и сына, Изяслава и Ростислава, слушайте, перед вами и отряжю; тако молви брату моему: аз есмь, брате, тебе (т. е., конечно, Юрию, а не послу. — Д. Л.) много молвил и Изяславу, обеима вама, не пролейта крови хрестьяньскы, ни погубита Рускы земле. . .“» и т. д. (Ипатьевская лет., 1151).

Приехав по назначению, и перед тем, как передать порученные ему «речи», посол обычно объявлял: «тако ти молвить князь», «а тако ти глаголеть» и т. п. В 1149 г. посол Изяслава явился к Святославу: «. . ли рече ему [Святославу] послм Изяславль: *тако ти молвить* Изяслав, брат твой. . .» (Ипатьевская лет., 1149), а затем объявил и самые «речи» Изяслава. Послы князя Глеба, отправленные к Михалку Переяславскому, «усретоша ѝ (Михалка) «рекуще»: «Глеб ся кляняеть, *река*: аз всемь виновать, а ноне ворочю все. . .» и т. д. (Лаврентьевская лет., 1176). Посол Болеслава к Шварну так выполнил свое поручение: «. . посол же рече Шварнови: *тако ти молвить* князь Болеслав я на Литву не жалю. . .» и т. д. (Ипатьевская лет., 1268).

Характерно, что термин «править посольство» относился первоначально только к той части переговоров, в которой посол передавал порученные ему «речи», но не к выполнению других обязан-

постей посла. Это отчетливо видно из подробного описания под 1288 г. в Ипатьевской летописи посольства перемышльского епископа Мемнона к Владимиру Васильковичу: «Пришла же потомь ко Володимеру Лев епископа своего перемышлескаго, именовь Мемнона. Слуги же его поведаша ему: „Владыка, господине, приехал“. Он же рече: „Который владыка?“ Они же поведаша: „Перемышлеский, ездить от брата ть ото Лва“. Володимер же бе разума древняя и задняя, на што приехал, посла по него. Он же войде к нему и поклонився ему до земле, река: „Брат ти ся кланяеть“. И веле ему сести. И *нача посольство правити*: „Брат, ти, господине, молвить: стрый твой Данило король, а мой отець, лежить в Холме. . .“» и т. д. (Ипатьевская лет., 1288).

Записывая в летопись о том или ином посольстве, о тех или иных переговорах, летописец обычно опускал подробности отъезда и приезда посла, даже иногда самые сведения о посыле, не упоминал его вовсе, но стремился сохранить самое существенное: «речи». Летописец всегда записывал их в той форме, в которой они были поручены послу или произнесены им, т. е. в форме обращения от лица пославшего, и никогда не передавал их от лица посла. «И посла Мьстислав по Ярослава, глаголя: „Сяди Кыеве, ты еси старейшей брат, а *мне* буди си сторона“» (Лаврентьевская лет., 1024).

Поручая «речи» послу, посылавший всегда употреблял форму прямого обращения к тому, к кому он посылал посла. Например: «Володимери же мужи [и] Изяслави рекоша ему (послу): „Брат *ти* (Изяславу, а не послу. — *Д. Л.*) молвить Володимер и Изяслав мы есме хрест целовали, яко всем нам быти за один, а *ве, брате, доспеваеве, а ты, брате,* такоже доспевай“» (Ипатьевская лет., 1149). Так же строго от лица князя обращается и посол Изяслава Мстиславича к черниговским князьям Владимиру и Изяславу Давидовичам: «И рече им Изяславль посол: „Аже устоите у крестном целованьи, и *яз* (Изяслав, а не произносящий эти слова посол Изяслава. — *Д. Л.*) *вам, брата, являю*; тако *ми* вошло во уши, оже *мя* ведете льстью, а ко Святославу есте хрест целовали к Олговичю, яко на сем пути *вам* любо *мя* яти, любо убити в Игоря место, а есть ли то, *братья* (братьями опять-таки мог называть Владимира и Изяслава Давидовичей, конечно, только сам Изяслав Мстиславич, а не посол. — *Д. Л.*) тако, или не тако?“» (Ипатьевская лет., 1147).

Такое игнорирование личности посла, передача через него «речей» в форме строго личного обращения очень часто приводили исследователей к мнению, что «речи» эти пересылались в письменной форме. Между тем порядок этих пересылок «речью» отмечен в летописи еще для такого периода, когда русские послы явно не могли передавать письменных поручений. В тех же выражениях рассказывает летописец о посольских сношениях Ольги, Святослава и др. (ср. под 946 г.: «И стоя Ольга лето, не можаше взяти града, и умысли сице: *посла* ко граду, *глаголющи. . .*»; ср. также под 971, 980 и другими годами).

Передача «речей» от лица посылающего со строгим соблюдением форм личного обращения князя не была вызвана тем, что посол рассматривался как безличный и механический передатчик. Послы в Древней Руси никогда не были только гонцами. В послы выбирались «лучшие» люди (ср. Лаврентьевская лет., 971). Известны случаи, когда князя посылали послами своих сыновей. В 1128 г. Мстислав Владимирович отправил послом сына своего Ростислава; в 1151 г. Изяслав Мстиславич отправил в посольство сына Мстислава и т. д.

Объяснение, думается, лежит в ином: посол, передавая «речи» князя, во всех случаях являлся его заместителем, фактотумом. Посол говорил от лица пославшего, как будто бы сам являлся в момент передачи «речей» этим пославшим. Поэтому-то и оскорбление, нанесенное послу, было равнозначно оскорблению того лица, которое его послало.

Вот как рассказывается в Ипатьевской летописи об оскорблении, нанесенном Андрею Боголюбскому в лице его посла: «Того же лета Андрей, князь Суждальский, разгневался на Ростиславичи. . . исполнивсья высокоумья, разгордევсья вельми, надеясь плотной силе и множеством вой огородивсья, ражегсья гневом и посла Михна мечника, рек ему: „Едь к Ростиславичемь, рци ти им: не ходите в моей воли, ты же, Рюриче, поиди в Смоленск, к брату во свою отцину“; а Давыдови рци: „А ты поиди в Берладь, а в Русьской земли не велю ти быти“; а Мьстиславу молви; „В тебе стоить все, а не велю ти в Руской земле быти“». Приказ об изгнании из Русской земли Мстислав воспринял как тягчайшее оскорбление и ответил на него равным оскорблением: «. . . повеле Андреева посла емьше постричи голову перед собою и бороду, рек ему: „Иди же ко князю своему и рци ему: мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякими речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а то дей, а бог за всем“. Андрей же то слышав от Михна, — продолжает летописец, — и бысть образ лица его попуснел [осунулся]; и возострился на рать» (Ипатьевская лет., 1174).

Нанесение одним князем другому особого оскорбления в лице посла, при этом обставленное со всеми явными знаками личного оскорбления, в присутствии самого оскорбителя, что каралось особенно сурово, как об этом свидетельствует «Правда Ярославичей», ясно говорит о том, что посол не являлся только механическим передатчиком «речей», но представлял личность самого князя.

Подтверждение этому *личному* представительству посла можно видеть и в том, что в случае, если посольство посылалось от группы князей-союзников, каждый из князей посылал своего посла, хотя бы всем послам вместе и поручалась одна и та же «речь». «И сдумавше послаша к Давыду мужи свое, — рассказывает летописец под 1100 г., — Святополк Путятю, Володимер Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина»; «. . . послании же придоша к Давыдови и рекоша ему: „Се ти молвять братья; не хотим ти дати

стола Володимерьскаго. . .» и т. д. (Лаврентьевская лет., 1100).

Насколько известно из новгородских летописей, новгородцы всегда посылали по несколько послов. В 1224 г. послами новгородцев едут Полюд, Вячеслав Прокшинич, Иванка Ярышевич; в 1229 г. — Нездила Прокшинич, Иванка Тудоркович и т. д. Тот же новгородский обычай посылать по несколько послов отражен и в Повести временных лет (под 1102 г.). Очевидно, послы новгородцев отправлялись отдельно от каждого конца (как это было впоследствии в Пскове) или от каждой вечевой партии. Новгородские послы вместе правили свои посольства и вместе передавали одну общую, порученную им «речь», которую произносили от лица всех новгородцев в той же форме первого лица (но не единственного числа, а в этих случаях — множественного, поскольку они представляли несколько концов или несколько партий). Послы отдельно от каждого князя посылались и половцами (ср. в Лаврентьевской лет. под 1101 г.: «. . . и прислана половци слы от *всех князей* ко всей братьи. . .»). Половцы, так же как и русские, пересылались устными сообщениями — «речьми».

Таков был общий порядок исправления посольских обязанностей в Древней Руси XI—XIII вв. Порядок этот был резко отличен от греческого, где все дипломатические сношения велись грамотами. Русская летопись отметила это различие. Под 1164 г. летописец рассказал, что епископ Антон, «родом гречин», послал *грамоту* к Святославу Всеволодовичу. Характерно при этом, что, передавая содержание этой грамоты, летописец прибегает к тому же термину «река», к которому привык и при передаче устных «речей» послов: «. . . писав грамоту и посла к Всеволодичю, *река* тако: . . .» (Ипатьевская лет., 1164). Из русских князей только Владимир Мономах, также по матери «гречин», посылал «грамотицу» князю Олегу Святославичу. Однако с другими русскими князьями Мономах никогда не пересылался грамотами, строго придерживаясь русского обычая пересылки «речьми».

Характерна встреча обоих обычаев — греческого письменного и русского устного — при заключении договоров с греками в 945 и 971 гг. Русские послы правили свое посольство согласно русскому обычаю — устно, но греки записывали «речи» русских послов, вводя тем самым «речи» русских послов в традиции своей собственной посольской практики. «Посла Игорь муже своя к Роману, Роман же созва боляре и сановники. Приведоша Руския слы, и велеша глаголати [и] писати обоих речи на харатье» (Лаврентьевская лет., 954). «[И] повеле писцю писати вся речи Святославле [переданные через посла] на харатью; нача глаголати сол вся речи, и нача писець писати. Глагола сице. . .» (Лаврентьевская лет., 971).

Русский обычай «ссылаться речьми», а не грамотами был очень прочным. Хотя происхождение его восходит, несомненно, к дописьменному периоду истории Руси, тем не менее и позднее, даже спустя несколько веков после введения письменности, русские послы по-прежнему изустно говорят порученные им «речи», не

заноса их на грамоты. Развитие письменности не изменило этого обычая, хотя не подлежит сомнению, что большинство русских послов, как, например, поп Василий, игумен Федос, Петр Бориславич и др., были людьми хорошо грамотными, а иногда и незаурядными писателями: поп Василий составил повесть об ослеплении Василька Теробовльского, Петр Бориславич запечатлел в письменном отчете переговоры с Владимиром Галицким, игумен Федос принимал участие в летописании Киево-Печерского монастыря и т. д.

Поразительно, что даже тогда, когда русские послы стали составлять подробные и литературно безупречные отчеты о выполненных ими дипломатических поручениях, включавшиеся иногда и в летопись и составляющие в ней одну из самых ярких страниц, — даже и тогда русские послы продолжали по-прежнему изустно передавать поручаемые им «речи». Так, например, поп Василий, составивший блестящий отчет о своей дипломатической деятельности — живую, драматическую, психологически наблюдательную повесть об ослеплении Василька Теробовльского, все посольские поручения выполнял исключительно устно. Устно же передавал поручаемые ему «речи» и Петр Бориславич, также составивший подробный отчет о своей миссии к галицкому князю Владимиру. В Ипатьевской летописи в изложении событий XII в. можно обнаружить фрагменты нескольких письменных отчетов послов о выполненных ими поручениях,¹ но передача «речей» неизменно велась по заведенному истари обычаю устно.

Посольские «речи» от лица князей настолько вошли в практику русской жизни, что летописец нередко, говоря о посольских «речах», не упоминал о после, который эти «речи» передавал. Поэтому очень часто при чтении русской летописи создается впечатление, что князья, разделенные огромными расстояниями, свободно переговариваются друг с другом. Так, например, Святослав Ольгович в 1149 г. передавал «речи» послу Изяслава Мстиславича; летописец рассказывает об этом так, будто бы Святослав обращался к Изяславу непосредственно: «И рече Святослав Ольгович к Изяславу Мстиславичю: „А вороти ми товара брата моего со што любо, а яз с тобою буду“» (Ипатьевская лет., 1149). Только из предшествующего и последующего изложения ясно, что «речь» эта была передана Святославом через посла. Точно так же Святополк и Владимир Мономах из разных мест обращаются к Олегу Святославичу в Чернигов, как будто бы всех троих не разделяли никакие расстояния: «Святополк же и Володимер *рекоста к нему*: „. . . да се ты ни на поганья идеши, ни на свет к нама, то ты мыслиши на наю и поганым помагати хочеши, а бог промежи нами будеть“» (Лаврентьевская лет., 1096). «Речи» эти были, конечно, составлены Святополком и Владимиром в результате предварительного сговора

¹ Ср., например, в Ипатьевской летописи под 1147 г. отчет посла Изяслава, ездившего для переговоров к Давидовичам в Чернигов.

через послов, пересылавшихся между Киевом и Переяславлем (Русским), и через послов же переданы Олегу в Чернигов.

Эта летописная манера — не упоминать о послах, передавая лишь самые «речи», сказывалась и в «Слове о полку Игореве». Киевский князь Святослав обращается с «речами» к русским князьям, отделенным от него огромным расстоянием. Нет нужды видеть в этом поэтическую вольность автора «Слова». Напомним, что и в летописи Святослав так же обращается к русским князьям.

2

Насколько точно передавал посол поручаемые ему «речи» и насколько точно заносились эти «речи» в летопись?

Оба эти вопроса тесно связаны между собой. Если «речи» передавались послами в более или менее законченных формулировках, то и в отчетах послов, которые, как мы видели, включались иногда в летопись, и в записях самих летописцев формулировки эти, конечно, сохранялись не менее бережно. Они могли передаваться из уст в уста как своего рода готовые, официальные определения создавшейся ситуации.

Необходимо отметить, что уже самая процедура передачи «речи» послу, а затем воспроизведение ее послом перед лицом, к которому она обращена, свидетельствуют о стремлении к максимальной точности. Мы видели выше, что посол всегда передавал поручаемые ему «речи» в первом лице — от посланного, а не от себя. «Речь» посол предварял словами «тако ти глаголет» или «тако ти молвит», как бы подчеркивая ими цитатный характер передаваемых слов. Посылающий или отвечающий, требуя передать свои «речи», также произносят их от своего лица и обращаются в них не к послу, а непосредственно к тому, к кому его посылают.

На точность и продуманность формулировок указывает и ряд других косвенных признаков. Эти формулировки повторяются в переговорах, передаются из «речи» в «речь», их цитируют — следовательно, считают установившимися и как бы закрепленными применительно к отдельным фактам.

Так, например, отпуская в 1151 г. венгров, Изяслав Мстиславич велел им передать венгерскому королю Беле: «Бог ти помози, брате, оже нам еси тако помогл, толико можеть так учинити брат роженный или сын отцю, како же ты нама еси учинил». Изяслав предупредил венгров, что отрядит вслед им особого посла к королю — своего сына Мстислава. Очевидно, что венгры не могли представлять личность Изяслава. И действительно, отпустив венгров, Изяслав, посоветовавшись с Вячеславом, от лица обоих посылает Мстислава, повторяя свои слова, уже переданные однажды через венгров, но теперь в посольстве Мстислава облеченные официальностью: «Ты нама еси тако учинил, якоже можеть так брат роженный брату своему, или сын отцю, акоже ты нама помогл» (Ипатьевская лет., 1151).

Другой факт свидетельствует о том, что отдельные формулировки посольской речи запоминались не только самим посланцем, но и теми, к кому они были обращены. Когда Владимир Мономах послал послов к Давиду и Олегу Святославичам (1097), он передал следующие «речи»: «. . . да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земли и в нас, в братьи, *оже вверже в ны ножь*». Яркая образность этой формулы — «оже вверже в ны ножь» — запомнилась и Давиду, и Олегу. В свою очередь, посылая к Святополку, они передают ему: «. . . что се зло створил еси в Русьстей земли, и вверг еси ножь в ны?»

Точность, с которою запоминались посольские «речи», допускала иногда довольно длинное их цитирование. Так, например, киевский князь Вячеслав обратился к Юрию Долгорукому через посла с «речью», в которой процитировал слова Изяслава Мстиславича: «. . . любо дай Изяславу чего ти хочеть, паки ли, амо (в Ипатьевской ошибочно — «яз») поиди полки своими ко мне, заступи же волость мою; *Изяслав ми то молвить*: „Ты ми буди в отца место, поиди сяди же в Киеве, а с Гюргем не могу жити; не хочешь ли мене в любовь прияти, ни Киеву поидеши седеть, яз хочю волость твою пожечи“; ныне же, брате, поеди, а видеве оба по месту, что нам бог дасть, любо добро, любо зло; паки ли, брате, не поедеши, на мя не жалуй, аже моей волости пож[ж]ене быти» (Ипатьевская лет., 1149).

Точность подобного рода цитирования поддается проверке. Так, например, когда в 1149 г. Изяслав киевский вел переговоры с сыном Юрия Долгорукого Ростиславом, он прислал к нему послов и те передали Ростиславу следующие «речи», в которых Изяслав вспомнил свои переговоры с ним, ведшиеся в 1148 г.: «Се, брате, ты еси ко мне от отца пришел еси, оже отец *тя приобидил и волости ти не дал*; яз же тя приях в правду, яко достойного брата своего, и волость ти есмь дал, ако ни отец того вдал, что я тебе вдал, и еще есмь и Руской земли приказал стеречи тебе; а то ти есмь рекл: се аз, брате, иду на отца твоего, а на своего стрья, *а ты постережи Руской земли, любо ся с ним умирю, паки ли, а како мя с ним бог управить*» (Ипатьевская лет., 1149).

Выделенные курсивом места точно повторяют содержание «речей» Ростислава и Изяслава, занесенных в летопись под 1148 г. Когда Ростислав бежал от отца своего Юрия и явился в Киев к Изяславу, он сказал ему: «Отец мя переобидил и волости ми не дал» (Ипатьевская лет., 1148), а когда Изяслав отправился в поход на отца Ростислава Юрия, он оставил Ростислава в пограничном со степью Божеске, сказав ему: «Пребуди же тамо, доколе я схожю на отца твоего, а любо с ним мир възму, паки ли а како ся с ним улажю, а ты постережи земле Руской оттоле» (Ипатьевская лет., 1148).

Как видно из этого примера, несмотря на то, что «речи» послов прошли и через передачу летописца, и приводились (через год) по памяти Изяславом, отдельные формулировки продолжали сох-

раяться, хотя порядок этих формулировок и оказался нарушенным в этой тройной передаче (посла, Изяслава и летописца).

Об относительно точном воспроизведении «речи» послов в летописи свидетельствуют различные наблюдения. Характерно, например, что «речи» новгородских послов сохраняют весь свой северный, новгородский колорит даже в передаче Киевской летописи. Так, например, в Повести временных лет рассказывается под 1102 г., что новгородские послы (их несколько, как всегда от Новгорода) явились к киевскому князю Святополку и сказали ему: «Се мы, княже, прислани к тебе, и ркли ны тако: не хотим Святополка, ни сына его; аще ли 2 главе имеет сын твой, то пошли ѿ; сего ны дал Всеволод, а въскормили есмы собе князь, а ты еси шел от нас» (Лаврентьевская лет., 1102). Эта речь новгородских послов настолько насыщена типичными новгородизмами, что точность ее воспроизведения в стилистически иной — южной, Киевской летописи не вызывает сомнений. В ней и характерная новгородская формула изгнания князя, не принятая в других русских областях («а ты еси шел от нас»), и понятное только в устах новгородца определение «а въскормили есмы собе князь», и типично новгородское пристрастие к грубоватым поговоркам: «аще ли 2 главе имеет сын твой, то пошли ѿ» и т. д.

Такая же точность в передаче новгородских «речей» явственно ощущается в другой летописи — в киевском продолжении к Повести временных лет. Под 1148 г. в ней записан очень характерный для новгородцев ответ на обращение Изяслава Мстиславича. Новгородцы отвечали в формуле, характерной и понятной только для новгородцев и, следовательно, правдиво отраженной в Киевской летописи. «Ты нашъ князь, ты нашъ Володимир, ты нашъ Мьстислав! Ради с тобою идем своих дея обид» (Ипатьевская лет., 1148). Под Владимиром новгородский ответ разумел, очевидно, не Владимира Мономаха, а Владимира Ярославича, а под Мстиславом — Мстислава Владимировича, чья деятельность как новгородского князя была слабо отмечена в Киевской летописи, но зато хорошо памятна самим новгородцам. Так же типичен для новгородцев и другой их ответ, приведенный в Ипатьевской летописи под тем же годом, несколько ниже: «Княже! Ать же поидем, и всяка душа, аче и дьяк, а гуменце ему пострижено, а не поставлен будеть (и ты поидеть, а кто поставлен),² ать Бога молить» (Ипатьевская лет., 1148).

Итак, можно думать, что и сами послы передавали поручаемые им «речи» в более или менее устойчивой форме, и летописцы заносили их в свои летописи в той же почти дословной передаче. Летописец не выдумывал «речи» послов, а записывал слышанное.

Устойчивость формы «речей» послов, их донесений и отчетов была такова, что даже через многоустную передачу она сохранялась нередко неизменной. Так, например, сообщение русских ле-

² Нет в Ипатьевском списке, восстанавливается по Хлебниковскому и Погодинскому спискам.

тошней о первом появлении татар на границах Руси облетело все русские области и отразилось в летописях Новгородской, Переяславля Русского, Владимирской, Ростовской и Галицкой в более или менее сходной форме. И это сходство сохраняется даже в тех летописях, между которыми нельзя установить непосредственной письменной связи.

Мало того, сообщение о появлении татар достигло в том же году и западноевропейских стран и там отразилось в хрониках в формулах, опять-таки сходных с русской. Цезарий Гестербахский в 47-й главе X книги своей хроники пишет о Калкской битве: «В прошедшем году еще какой-то народ вошел во владения Руссов и истребил там весь народ унский: нам неизвестно, что это за народ, откуда идет и куда стремится».³ Ср. в Новгородской I летописи по Синодальному списку: «Том же лете, по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и котораго племене суть, и что вера их. . .»; «Бог един весть, кто суть и отколе изидоша. . . : мы же их не вемы, кто суть. . .»; «. . . и не съведаем, откуда суть пришла, и где ся деша опять; бог весть, отколе приде на нас, за грехы наша».

3

Само собой разумеется, что «речи», изустно передаваемые при переговорах, иногда очень сложных, могли точно запоминаться только при условии, если самые формулировки отдельных обстоятельств дела отличались лаконизмом, выразительностью и в известной мере традиционностью формы, облегчавшей и их понимание, и их передачу.

Есть все основания думать, что еще в дописьменный период русской истории существовало высокое искусство устной речи, поэтической и деловой. В существовании искусства поэтической речи убеждает наличие фольклора, развитого и сложного; в существовании высокого искусства деловой речи убеждает самый характер русской политической и социальной истории до XI в.: развитость норм обычного права, наличие обширных дипломатических сношений с соседними народами и между отдельными племенами.

Летопись донесла до нас многочисленные образцы различных типов устной речи. Яркую выразительностью и в известной мере традиционностью отличались, например, воинские речи, которыми русские князья перед битвой «подавали дерзость» своим воинам.

Вот, например, известные речи князя Святослава своим дружинникам: «. . . уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и

³ Quaedam etiam gens anno praeterito intravit regna Ruthenorum et totam ibidem gentem Unam delevit: de qua nobis non constat, quae sit, unde veniat, vel quo tendat. — Учен. зап. АН по I и III отд., 1854, т. 2, с. 760. Ср. также в летописи речь Святослава к воинам под 971 г. и передачу ее же у Льва Дьякона.

дружино» (Лаврентьевская лет., 971); «. . . уже нам не камо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посрамям земле Руские, но ляжем костьми, мертвии бо срама не имем. . .» и т. д. (там же). Но речи Святослава в известной мере традиционны. «Аще жив буду, [то] с ними, аще погыну, то с дружиною», — говорит Вышата о своей дружине (Лаврентьевская лет., 1043). «Потягнете, уже нам не лзе камо ся дети», — говорит Святослав Ярославич перед битвой с половцами (Лаврентьевская лет., 1068). «Да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю», — говорит Василько Теробовльскій (Лаврентьевская лет., 1097). «Луче, братье, измрем еде, нежелн сесь [сей] сором възмем на ся», — говорит Изяслав Мстиславич черным клобукам (Ипатьевская лет., 1150). С такими же речами обращается к своей дружине и Игорь Святославич Новгород-Северский перед битвой с половцами: «Братья! Сего есмы искале, а потягнем» (Ипатьевская лет., 1185) или: «Оже побегнемь, утечемь сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будеть грех сих выдавше пойдём; но или умремь, или живи будем на единомь месте» (там же). «Братья моя милая Русь! Потягните за едино сердце», — говорит своим воинам Кондрат (Ипатьевская лет., 1281). Такие же речи встречаем и в Псковской летописи: «Братия мужи псковичи, потягните за святую троицу и за святых церкви и за свое отечество» (Псковская I лет., 1323); или: «Братие, не посрамям отец своих и дедов, кто стар той отец, кто млад той брат; се же, братие, живот и смерть нам предлежит; постражем за свой живот» (Псковская I лет., 1230).

Все эти речи свидетельствуют о высокой культуре устной «воинской» речи. В них чувствуется и княжеская ласка к дружинникам в назывании их «братьями», и отчетливое представление о воинской чести и чести Родины, и мудрость воина (например, в словах Мстислава Ростиславича: «Мы бо аще ныне умрем, умрем же всяко» — Ипатьевская лет., 1178). Но больше всего поражают они стройностью и исключительным лаконизмом выражения.

Своеобразие этого воинского ораторства станет особенно ясным, если сравнить приведенные выше обращения князей перед битвами с речью, произнесенной в аналогичных обстоятельствах владимирским епископом Митрофаном. Епископ Митрофан, задавшийся тою же целью — приободрить людей перед решительным сражением, выражает те же мысли о равнодушии к смерти, о необходимости мужественной защиты. Но речь его лишена и лаконизма, и искусства, «навычного» для князей. «Чада, — говорит Митрофан, — не убоимся о прельщеньи от нечестивых, и ни приемемь си во ум тленьяго сего и скороминующаго житья, но оноь не скороминующемь житьи попечемься, еже со ангелы житье; аще и град наш пленше копиемь возмутъ и смерти ны предадутъ, аз о том, чада, поручьник есмь, яко венца нетленьяа от Христа Бога примете» (Ипатьевская лет., 1237).

Особым лаконизмом, выработанностью формул, отчетливостью и образностью отличались и речи, произносившиеся на вечевых собраниях. Несомненно, что вече выработало свои формы публич-

ного обращения, умение сжато и энергично выразить политическую программу в легко доступной и легко запоминающейся формуле. Образность и пословичность отличают эти вечевые обращения.

В ответ на зов Мстислава Мстиславича пойти на Киев против Всеволода Чермного новгородское вече отвечало ему: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вьржем» (Новгородская I лет., Синод. сп., 1214). Так же энергична и речь посадника Твердислава на новгородском вече: «Даже буду виноват, да буду ту мертв; буду ли прав, а ты мя оправи, Господи» (Новгородская I лет., Синод. сп., 1218 и др.).

Можно привести много других случаев, в которых сама действительность настойчиво требовала высокой культуры устной речи. Вспомним речи, произносившиеся при клятвенных заверениях на кресте,⁴ речи на княжеских сменах и т. д.

По самому своему содержанию «речи», передаваемые через послов, были гораздо более разнообразны и сложны, чем речи воинские, крестоцеловальные, чем даже произносившиеся на вече. В них меньше традиционных формул, шаблонных оборотов. Вместе с тем они легко заимствуют отдельные формулы из практики иной устной речи — вечевой, воинской, даже разговорной. Дипломатическая практика XI—XIII вв. так же соприкасалась со всеми областями жизни, как она соприкасается и сейчас. Тем сложнее были те задачи, которые ставились дипломатическому языку XI—XIII вв., и тем более блестяще они разрешались.

«Речи», передававшиеся изустно через послов, были очень ответственным моментом политической жизни Древней Руси. Чтобы не быть искаженными в устной передаче, они должны были хорошо запоминаться, быть в достаточной мере краткими и выразительными. Действительно, посольские «речи», занесенные в различные списки русских летописей, во всех случаях отличаются высоким уровнем культуры устной речи.

Прежде всего поражает своеобразный образный лаконизм поручаемых послам «речей». «Аз уже бородат, а ты ся еси родил», — вспоминает Вячеслав Киевский «речи», переданные им Изяславу Мстиславичу (Ипатьевская лет., 1151). «Оже есте мой Городец пожгли и божницу, то я ся тому *отъожгу* противу», — «говорит» Юрий Долгорукий Святославу Ольговичу (Ипатьевская лет., 1152). Юрий Всеволодович следующим образом формулировал свое требование, переданное через новгородских послов: «Выдайте ми Якима Иванковиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкиниця, Сдилу Савиниця, Вячка, Иванца, Радка; не выдадите ли, а я поил есмь коне Тьхверью, а еще Волховомь напою» (Новгородская I лет., Синод. сп., 1224). Не менее выразителен и лаконичен ответ Ярослава Всеволодовича новгородским послам: «Мира не хотим, мужи у мене; а далече есте шли, и вышли есте акы рыбы на сухо» (Новгородская I лет., Синод. сп., 1216).

⁴ Например, крестоцеловальные речи на Любечском съезде (Лаврентьевская лет., 1097); ср. также: Новгородская I лет., Синод. сп., 1132 и др.

Особенное значение в посольских «речах» имела всегда выразительная антитеза: «. . . да аще [вам] любо, да седита, аще ли ни, да пусти Василка семо» (Лаврентьевская лет., 1100); «а поиди, а мы с тобою, не идиши ли, а мы есмь в хрестьном целовании правы» (Ипатьевская лет., 1148); «годно ти ся с ним [Юрием] умирити, — умиришися, паки ли а рать зачнеши с ним» (Ипатьевская лет., 1154); «аще ты ратен — си ратни же, аще ты мирен, а си мирни же» (Лаврентьевская лет., 1186) и т. д.

Нелишне отметить, что и самое построение посольской «речи» в известной мере отличается традиционностью. Так, например, если «речь» посла содержала в себе описание существующих феодальных отношений, то оно всегда ставилось впереди, а предложение или требование, предъявляемое послом на основании этой констатации, — в конце «речи». Всеволод Суздальский прислал в Новгород к Мстиславу Мстиславичу следующие «речи»: «Ты ми еси сын, а яз тьбе отец: пусти Святослава с мужи, и все, еже заседел, исправи; яз гость пускаю и товар» (Новгородская I лет., Синод. сп., 1210). В 1186 г. владимирцы послали к Всеволоду следующее обращение: «Ты отец, ты господин, ты брат; где твое обида будеть, мы переже тебе главы своя сложим. . .» (Лаврентьевская лет., 1186). Иногда описание положения заменялось в начале «речи» ораторским вопросом: «Пошто еси приехал и кто тя позвал? Еди же у свой Чернигов» (Ипатьевская лет., 1154).

Не следует думать, что посольские «речи» на всем протяжении XI—XIII вв. оставались неизменными по своей форме: традиционность их претерпевала существенные изменения. Так, начиная с XII в. в связи с ростом христианского влияния в княжеском быту заключительные концовки в требованиях ультимативного характера приобретают резко церковный оттенок: «што нам бог даст» (Ипатьевская лет., 1194); «не хоцещи ли того створити, а за всим бог» (там же); «ныне же, брате, поеди, а видеве оба по месту, что нам бог дасть, любо добро, любо зло» (там же); «а како нам бог дасть» (Ипатьевская лет., 1150); «акоже ти с ним бог дасть» (там же); «ать вси по месту видим, што явить ны бог» (Ипатьевская лет., 1151); «а тогда како ны бог дасть с ним» (там же); «да бог за всим» (там же); «оже бог дасть» (там же); «а то богови судити» (там же); «како нам с ним бог дасть» (Ипатьевская лет., 1152); «како ми с ним бог дась, да любо аз буду в Угорьской земли, любо он в Галичьской» (там же); «а нама с королем с тобою како бог дасть» (там же); «како ны с ними бог дасть и святая богородица» (Лаврентьевская лет., 1176); «как ны бог дасть» (Ипатьевская лет., 1185); «но како ны бог дасть» (там же) и т. д.

4

Итак, во-первых, дипломатические переговоры велись в XI—XIII вв. через послов устно. Во-вторых, «речи», передаваемые через послов при переговорах, обладали устойчивой формой: от-

дельные формулировки удерживались и в дипломатической практике, и в летописной записи. В-третьих, посольские «речи» обладали своеобразной и высокой культурой.

К этим трем выводам можно прибавить и еще один. Поскольку летописцы брали эти «речи» из живой действительности и включали их в свои летописи, летописи как бы находились в зависимости от самой жизни. Воздействие дипломатической практики своего времени на летопись сказалось в обилии включенных в нее «речей», передававшихся через послов. Обилие «прямой» речи и ее жизненно-реальный, а не вымышленный характер составляют одно из резких отличий русской летописи и от византийских, и от западноевропейских хроник.

В заключение следует отметить, что татаро-монгольское иго внесло существенные сдвиги в посольский обычай Древней Руси, но вопрос этот требует специального исследования.